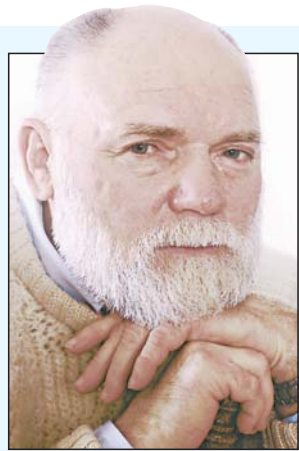

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК

СОЛНЕЧНЫЙ ШУМ

с 13 по 17 марта 2013 года в Москве, на территории Всероссийского выставочного центра (ВВЦ павильон №57) состоится 16-я Национальная выставка-ярмарка «Книги России». На стендах газеты «Аргументы недели» будет широко представлено творчество Виктора Трифоновича Слипенчука, чьи рассказы сегодня публикует наш еженедельник. В подборку вошли три никогда не печатавшихся произведения писателя, а также рассказ «Перегруз», опубликованный в далёком 1971 году.

ДЕРЕВЯННАЯ кровать стояла посреди небольшой горенки, напротив окна с раздвинутыми марлевыми шторами. Вначале мне было плохо, и я, чтобы привлечь внимание, заплакал. Но в горенке никого не было, и я стал следить за солнечными зайчиками, которые резвились на моей постели. Потом мне стало хорошо — тепло, уютно. Я проводил рукой по ребристым лесенкам своей кровати, и зайчики разбежались от меня то в одну сторону, то в другую. Мне казалось, что они живые и всё знают обо мне. И потому резвятся, что им, как и мне, сейчас хорошо и уютно.

За окном во дворике послышался какой-то необычный шум. Совсем не такой, когда прибегают мамы, чтобы покормить меня, но всё равно все солнечные зайчики сорвались с моей постели и помчались туда, и уже смешались с этим необычным шумом, и сейчас вместе с ним вкатятся в горенку. Я не мог ждать и всем своим существом кинулся навстречу этому катящемуся солнечному шуму. Потому что чувствовал, что сам являюсь его частью, и мне не терпелось увидеть его.

И я увидел — моих старших сестёр и братьев. Они ворвались в горенку, отворив настежь все возможные двери, и запах улицы охватил меня. Охватил дыханием лета и радостью какой-то новой жизни. Их глаза сияли несчастьем, и всё моё существо стало во мне подпрыгивать и кувыркаться.

— О, смотрите, он уже стоит!.. И радуется! Смотрите, как подпрыгивает?! Эй, великан, — выскочишь! — восторженно закричали мои сёстры и братья. И обступили меня.

Я с высоты кровати стал хватать их за волосы, и они, поднимая лица, смеялись мне. Я был в сердцевине этого солнечного шума. Я купался, я плавал в нём.

Потом мой брат воскликнул с ужасом и восторгом:

— Вон, посмотрите, сколько он навалил!

Брат выставил лицом в проёме между вертикальных лесенок, и я передвинулся к нему по кровати.

— Он загораживает. Навалил и стесняется!

— Надо же?! Наверное, скоро начнёт ходить.

Сёстры осторожно вынули из-под ног простыню, со смехом заметив:

— Братик твой, он такой, Эдик всё видит.

Сёстры перестлали постель, а я стоял в углу кровати и слушал брата. Глядя на меня снизу вверх, он то и дело ласково спрашивал:

— Что, обделался?! Ты что весь обделался, да?!

Солнечные зайчики разбежались, и мне хотелось заплакать. Сестра, которую я вот только что дёргал за волосы, отодвинула брата и, привстав на цыпочки, взяла меня под мышки. Она ещё ничего не сказала, а я уже

знал, что она хочет взять меня с собой.

— Рая, куда ты его тянешь? Ты же уронишь! — вскричали старшие сёстры.

Но сестра тянула меня через край кровати, и я вновь вцепился в её золотистые волосы. Её голова была для меня как солнце клубящихся лучей.

— Мы не оставим его. Он наш! Мы заберём с собой, потому что мама плачет по нему.

Меня утащили домой, к маме. Всё — больше никаких картинок из того солнечного шума.

вспоминал о нём. Мама полагала, что тогда ей лучше было бы умереть.

После родов, а я был поскрёбшем (родился весом не то пять двести, не то — шесть), у мамы пропало молоко. Тётя Таня, живущая возле роддома, забрала меня, чтобы разные мамы прибежали в её глинобитную хижинку и кормили меня грудью — своим остаточным молоком.

Я родился 22 сентября 1941 года, то есть ровно три месяца спустя после начала войны.

12.06.2012 г.

ВОЛЧОК

ВСТАЛО солнце, и я уже был на току. От обильной росы бурты зерна искрились, как наметённые сугробы снега. Дядя Вася, начальник тока, наклонился и зачерпнул рукой горсть пшеницы.

— Вимы хорошо идут? — спросил я.

— А чего им не идти, все новые. Мы направились к бункерам, и он сказал:

— Тебя отец ждёт на весовой. Я остановился.

— Дядь Вася, скажите, что я ещё не пришёл.

— Чего не пришёл — он видел. Помолчав, дядя Вася как-то очень утвердительно спросил:

— Небось, с Волчка упал?! Подравняй бурты и подходи.

Он опростал ладонь и пошёл к весовой.

У весовой они сидели на лавочке. Мотоцикл с коляской стоял рядом, и я сел на люльку так, чтобы не было видно фингала под глазом.

— Вчера сколько рейсов сделал?

— Пятнадцать.

— Больше всех, — дядя Вася сказал это с восхищением.

— Как же больше?! Пушкарёв-то шестнадцать сделал.

— Пушкарёв намного раньше начал.

Дядя Вася стал выгораживать меня, и я заметил, что отец улыбается.

— Что с Цыгальнюком вышло?

— Ничего не вышло.

Я стал сандалией сбивать с подножки мотоцикла глину.

— Здравствуйте!

Я отвлёкся и, подняв лицо, повернулся. Валя была в тренировочных брюках и лёгкой ситцевой блузке, голубенькой с блестящими пуговками.

— Э, красавец! — отец усмехнулся, и я, присев, стал вытирать мотоцикл.

— Значит, с Волчка упал?

Дядя Вася неестественно закашлялся, а я, не поднимая головы, кивнул.

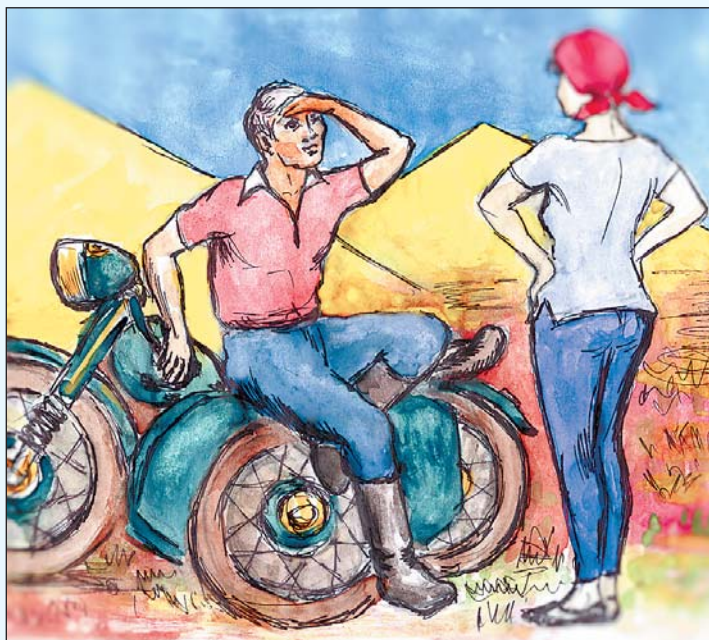
— Работать-то сможешь? — отец, не глядя на меня, вздохнул. — Ну ладно, иди.

Он стал заводить мотоцикл, а мы с Валией пошли к гаражу на свой ЗИЛ.

— Ты в кино не ходила?

— Бабушка приехала.

— А сегодня пойдём?

Валя приостановилась и так продолжительное время посмотрела на меня, что мне захотелось убежать куда-нибудь.

Вечером мы встретились возле колодца. До начала сеанса ещё была уйма времени, и мы решили посмотреть на Волчка, гнедого низкорослого мерина. В сенокос я подтаскивал на нём копны сена, и Волчок теперь узнавал меня, словно друга.

— Здравствуйте, дядя Федя! — сказали мы конюху.

— Угу, — ответил дядя Федя. (Он призывал Рыжуху к арбе с клевером.)

— Волчка давно купали?

Дядя Федя привязал Рыжуху и, подняв на вилах слезальный клевер, понёс его, словно зонтик, к другой арбе.

— Давайте слетаю на речку.

— Как слетаешь — он в Черёмушках?!

— Как в Черёмушках?!

— А так. Твой батька ещё на прошлой неделе отдал в пятую бригаду.

Я сразу вспомнил, как на весовой неестественно закашлялся дядя Вася, а отец, не глядя на меня, вздохнул.

Дядя Федя, опершись на вилы, поинтересовался:

— Кто это тебя так изукрасил?

Я молча отвернулся.

У клуба встретился Сашка Цыгальнюк. По виду он был нормальным. Проходя мимо нас, он наклонился к Вале и тихо сказал:

— Здравствуй, Валя.

Валя сделала вид, что не слышит, — мы вошли в клуб. Мы сели в третьем ряду, а перед самым сеансом вошёл Сашка.

Не глядя на нас, он прошёл в конец зала, сел на последней скамейке с краю, чтобы лучше видеть Валу.

Всё кино она оглядывалась, но я не обижался. Да и как я мог обижаться, если Сашка Цыгальнюк начал писать ей записки ещё в прошлом году.

У НАС на борту семьсот пятьдесят тонн мороженой рыбы, и мы со дня на день ждём сухогруз «Остров Лисьянского». Николай Руско спросил у меня:

— Валер, ты перегруз делал?
— Нет, не делал, — сказал я и прикурил.

— Замучаешься, — Руско сильным выдохом выпустил дым. — Понимаешь, могу пахать две смены подряд, а перегруза боюсь.

Мы помолчали, и тут я увидел Витьку Тихонова. Тихонов стоит на выкатке тележек из морозилки и получает пай как матрос первого класса, потому что стоять на выкатке — это не то что стоять на фасовке. Руки у Витьки всегда красные, как варёные. Витька подаёт на выбивку противни с мороженой рыбой.

Вынырнув среди тележек, он наклонился ко мне.

— Ты перегруз делал?
«Что они, сговорились?» — подумал я и, глянув на Кольку, ответил:

— Нет, не делал.
— Не делал!

Витькино лицо просияло. Оно сделалось почти радостным. Улыбаясь, он озирается, как бы приглашая всех разделить его восторг. Лично я не откликнулся на приглашение, и правильно сделал. В следующую секунду его улыбка исчезла, лицо исказилось от злости.

— Какого чёрта не взвешиваешь противни? Короб на полста тянет. Ты что, совсем оборзел?

— Нет, я не оборзел, — сказал я Витьке.

И тогда он выплеснул в лицо всё, что думает обо мне. И я узнал, как некоторые плохо думают здесь о новичках, но смолчал.

Юркнув среди тележек, Витька вернулся со старшим матросом и трюмным Санькой Головкиным. При них Витька опять повторил слово в слово всё, что думает обо мне, и они сошлись на том, что я совсем оборзел.

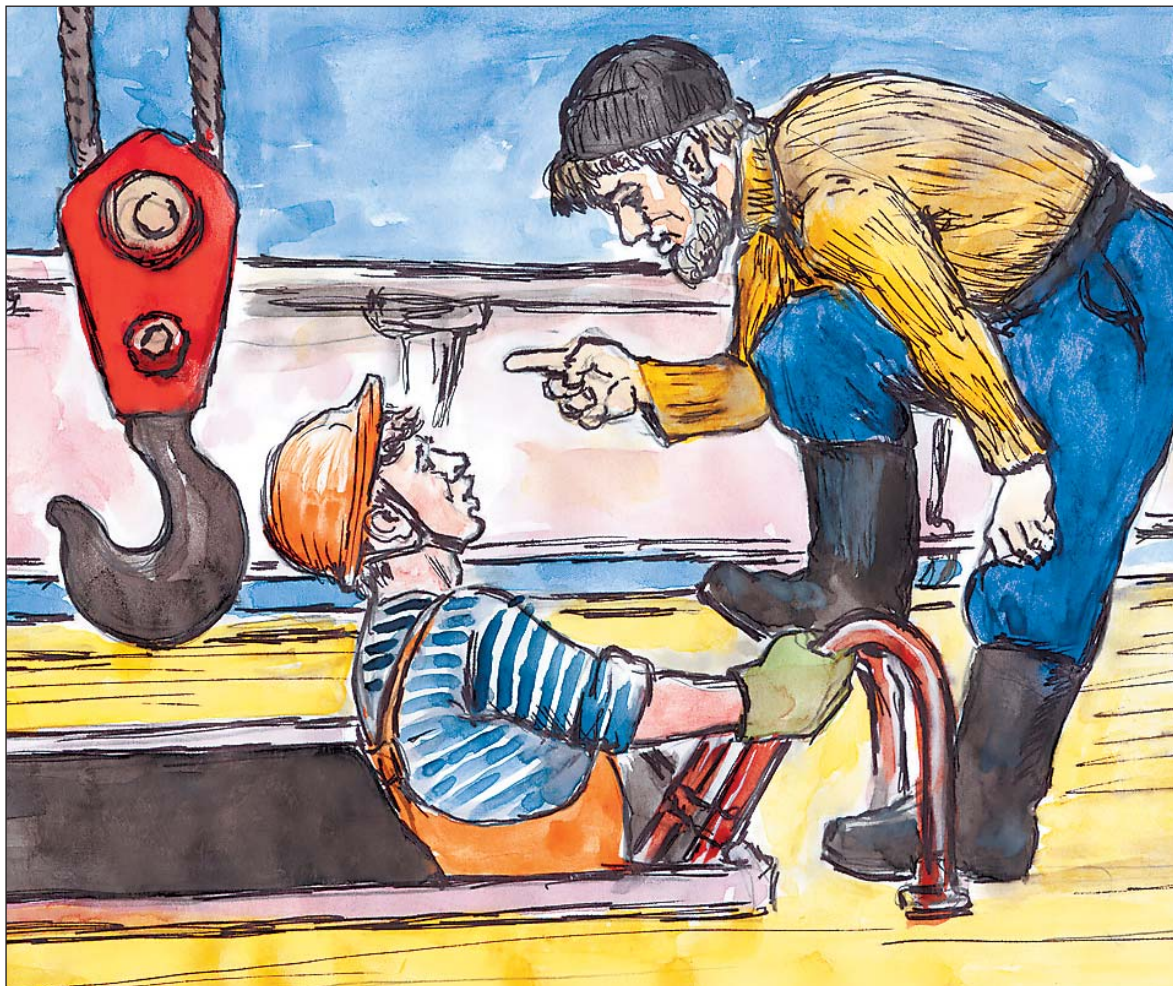
— На перегрузе ставьте его со мной, — бросил трюмный Санька Головкин, и они ушли, оставив меня со своими нехорошими мыслями.

— Пусть идут они к... — почувствовал Кольку, и хотя я согласился с ним, после смены долго не мог уснуть.

«Перегруз... Подумаешь, перегруз. Да я в геологоразведке работал. Меня мошка заедала, и робу с меня, может, с кожей снимали. Там тоже Санька Каримов кричал: «Убьёшь». Но я не убежал. Перегруз. Видал я ихний перегруз». Настроение восстановилось, и, засыпая, я услышал, как боцман заорал: «Майнать кранцы». «Значит, всё-таки перегруз... Швартуемся», — уже во сне отметил я и проснулся от толчка в плечо.

— Перегруз.
Санька Головкин. Широкоплечий, бородатый, в литых резиновых сапогах, в рыбацком свитере, заправленном в чёрные сатиновые брюки, подпоясанный широким кожаным ремнём, он играет коробами, как ребёнок кубиками. Кажется, стоит Саньке только прикоснуться к коробу, и тот сам взлетит и точно упадёт на строп.

— Эй, на барже! — кричит Санька в лючину трюма. — Майна!

ПЕРЕГРУЗ

Огромный железный крюк висит в проёме, и Санька беззлбно ругается. На лебёдке ругань понимают правильно. Через секунду Санька накидывает на крюк два стальных троса.

— Набил! — кричу я.
Строп вздрагивает и застывает в нескольких сантиметрах над деревянными решётками. Санька спрыгивает и, уже не высываясь в проём, заканчивает:

— Вира... Погнали!..
Вместе мы подходим к парням, свалившимся тут же на короба, и я, стараясь дышать

как можно ровнее, сажусь возле Мишки Красноперова. Усы у Мишки покрыты инеем, и он похож на маленького моржа.

— Миша, ты как морж.
Мишка не слышит моего сравнения. Моего сравнения не слышит никто, кроме Саньки Головкина, потому что шум кипящей крови заглушает всё. Трюм вздрагивает от ударов сердца, и пар человеческих тел осыпается со спечовок солью.

— Иди тару перекинь... Последний шар начнём. — Сквозь

глухие удары Санькин голос едва различим.

Я всакиваю. Я, не оглядываясь, иду в угол, забитый картоном. Я знаю: Санька рядом. Санька ждёт, когда я свалюсь. Тогда он скажет:

— Ну что, салага, будешь взвешивать противни?

Саньке это очень хочется сказать. Саньке хочется сказать мне это третью смену, и третью смену я держусь на одних нервах. Спина и руки налились свинцом. Наконец я умер. Санька, пряча усмешку в бороду, наклоняется надо мной, а Вить-

ка Тихонов, радостно озираясь, сообщает всем:

— Отдал концы, салажонок. Сам виноват. Надо взвешивать противни. Совсем оборзел. Короб на полста тянет.

— Губкин! — едва доносится до меня лязганье опускающего стропа.

Я поворачиваюсь и вижу Саньку. Санька уже бежит к стропу с коробом. Я бросаюсь за ним. Я бегу след в след. Сейчас Санька качнётся и отскочит, давая место мне, а короб точно ляжет на строп. «Сколько их... этих стропов... Последний шар... Чёрт его подери», — мельком думаю я. И опять хватаю короб. И опять впереди Санькина просолённая спина.

Время. Вы, конечно, ощущали его стремительный бег в рокоте турбин реактивного лайнера. Вы подслушивали его в шорохе листьев и шуме дождя. А приходилось ли вам слушать его в трюме на перегрузке? Когда оно хрипит и застывает в легких. Когда каждая секунда сорокакилограммовым коробом падает на строп, и впереди его ещё целый шар.

— Губкин, погнали!
Мы с Санькой отскакиваем, и последний строп, как снаряд, летит на палубу. Перекур.

Мы садимся в круг. Санька достаёт сигареты и первому даёт мне. Я зажигаю спичку, и мы, прикулив, по одному поднимаемся на палубу.

Всё тело ноет, и я вижу, как парни с трудом стягивают с себя робу. В умывалке я говорю Тихонову:

— Витька, сыграем в шахматы?

Витька смотрит на меня стеклянными глазами.

— В шахматы! — повторяю я. В глазах у Тихонова сверкнул злой огонёк и тут же погас.

— Иди-ка ты, — буркнул Витька, и Санька Головкин захохотал.

— Он шас копыта откинет... Шахматы... — Санька подмигивает мне, и я понимаю Саньку без слов.

— Контрофорь конец! Конец контрофорь! — доносится с бака.

«Отшвартовываемся. Конец перегрузу». Я взбиваю подушку и... лезу на кормовой мостик. На меня сыплется кухтыли, и Санька Головкин кричит: «Лезь, студент, тару перекидывать... Сейчас мостик грохнет... быстрей...» Я тороплюсь, разбивая колени и пальцы в кровь. Санька подаёт мне руку, и тут — волна, огромная, как бы высвеченная изнутри. Я теряю равновесие. «А-а-а», — кричу я.

— Валер, Валер, повернись. Я открываю глаза, Мишка Красноперов трясёт моё плечо.

— Стонешь, спасу нет.

— Понимаешь, приснилось — с кормового мостика упал... летел, и ты разбудил.

— Понятно, это хорошо, это ты растёшь. — Мишка зашторивает койку. Голубенькие занавески плавно парашютируют, и, засыпая, я слышу шум кипящей волны, трущейся о переборки пустых трюмов.

*Находка, 1971 г.,
многотиражка, УАМР
«За активный лов»*

Виктор СЛИПЕНЧУК
Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

ФЛАЖОК

С ЕГОДНЯ так сильно работает солнце, что слышен шелест движения лучей. Комбайн гудит, и из рукава комбайна фонтаном бьёт пшеница. Бункер переполнен зерном. Я руками и ногами рассываю его по кузову трёхтонки. Я раздет до пояса, но мне всё равно жарко. Сегодня так сильно работает солнце. Комбайнёр с мостика смеётся мне белыми зубами. Его лицо обуглено.

— Давай, давай, хлопец, быстрей обертайся!

И я «обертаюсь» — это уже седьмой рейс. Трёхтонка отваливает от комбайна, как катер, и комбайн опять катит мотовило по звонким волнам. Ветер шумит в ушах, будто летит над полем. Я лежу на пшенице. Над пшеницей течёт спелый воздух обильного урожая. Я закрываю глаза и вижу смеющегося комбайнёра.

— Давай, давай, хлопец, быстрей обертайся!

На току солнце ещё невыносимей. На току много металлических труб. Они раскалены. Они напоминают уродливые животы, набитые хлебом.

Я раскрываю задний борт, и зерно льётся в пасть бункера. Я помогаю зерну лопатой. Я пользуюсь ею как веслом, и снопы искрящихся брызг звенят в моих глазах.

— Губкин! — окликает меня дядя Вася, начальник тока. — Если так и дальше, то к вечеру быть тебе с флажком!

После пятнадцатого рейса мы с шофёром прикрепляем

флажок чемпионов к трёхтонке, и я иду домой. Я ложусь спать на сеновале. В небе танцуют весёлые звёзды. Я закрываю глаза и вижу горы хлеба. Я вижу ток, трёхтонку, флажок чемпиона и комбайнёра, смеющегося белыми зубами.

— Давай, давай, хлопец, быстрей обертайся!

И властная скрипка ночи уносит меня к звёздам.